

Познавательные перспективы в социологии как репрезентация социальной рациональности

Аннотация. В статье предложен взгляд на познавательные перспективы в социологии с точки зрения постнеклассической (универсумной) социологической теории рациональности. Автор характеризует познавательные перспективы как одну из репрезентаций рациональности и рассматривает их в единстве когнитивных и докогнитивных компонентов. Такая точка зрения позволила выделить три основные перспективы, выражающие преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный типы рациональности.

Ключевые слова: познавательные перспективы, рациональность, постнеклассическая (универсумная) теория рациональности, типы рациональности

Cognitive perspectives in sociology as a representation of social rationality

Abstract. This paper views the cognitive prospects in sociology in terms of postnonclassical (universum) sociological theory of rationality. The author characterizes the cognitive prospects as one of the representations of rationality and examines them in the unity of cognitive and pre-cognitive components. This view allowed sorting out three main prospects expressing three types of rationality: pre-conventional, conventional and post-conventional.

Keywords: cognitive prospects, rationality, postnonclassical (universum) theory of rationality, types of rationality.

Введение. В настоящее время в социологии справедливо утверждение о недостаточности эпистемологической рефлексии с позиций современного этапа развития социологического знания. В статье применен подход к рассмотрению познавательных перспектив в социологии с точки зрения постнеклассической (универсумной) теории рациональности [17. с. 87-91], который может внести позитивный вклад в осуществление такой рефлексии.

Познавательными перспективами называют способы понимания социальной реальности (модели социологического объяснения, исследовательские программы), выраженные в ключевых интерпретативных схемах. Проблематизация соотношения понятий «перспектива», «парадигма», «метопарадигма», «исследовательская программа» не входит в задачи статьи, в связи с чем во всех случаях будем применять понятие «познавательная перспектива», к чему имеются достаточные основания. Различия между перспективами устанавливаются по признакам применяемых в них нормативных, логических, методологических и содержательно-теоретических

стандартов [6, с. 44]. Эти признаки, как правило, становятся основаниями для классификаций познавательных перспектив. Так, российские и зарубежные социологи для различения познавательных перспектив используют признаки их базовых теоретических предположений, способа интерпретации объекта наблюдения, языка описания объекта, применяемых объяснительных схем, эталонов научности, способов верификации т.п. Классификации, построенные на данных основаниях, во многом решают задачи осмысления и структурирования накопленного опыта социального познания. Вместе с тем, с точки зрения современной постнеклассической социологии, такие классификации обладают общей чертой, которая делает их дискуссионными: в них прослеживается установка «абсолютного наблюдателя», характеризующая познавательные перспективы как системы теоретических координат, исключенные из структур жизненного мира, свободные от социально-групповых предпосылок, т.е. как автономный участок реальности. Вместе с тем данная автономность перспектив как особой интеллектуальной реальности исключительно умозрительна, а установка абсолютного наблюдателя неоднократно подвергнута критике с позиций социологии знания. Наряду с этим, различными социальными исследователями неоднократно показана слитость интеллектуальных, социальных и аффективных процессов. Так, Р. Коллинз в своих «Четырех социологических традициях» отталкивается от тезиса о том, что социальная наука происходит из социального базиса, раскрывающего науку как социально мотивированную, определяемую обществом, в котором живет ученый [9, с. 16]. Результаты исследований Л. С. Выготского, указывают на неразрывность интеллектуальных и аффективных процессов, разделение которых превращает мышление в «автономное течение себя мыслящих мыслей» [3, с. 25]. В действительности «во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее» [3, с. 26]. Факты субъектного осмысления действительности обобщены Е.В. Зинченко в тезисе о том, что в социальной жизни не существует естественных фактов – любой факт включен в

горизонт интерпретации [8]. Слитость аффективных и социальных процессов показана в выводах Э. Дюркгейма о природе преступления, которые утверждают укорененность норм уголовного права в эмоциях и чувствах членов общества. Преступление создается противоположностью между тем или иным деянием и коллективными чувствами и происходит от этой противоположности [7, с. 78-86]. Осознание последней лежит в основе коллективных оценок, создающих вербально оформленные нормы, выражающие коллективные чувства.

Обобщением приведенных выводов исследователей может служить тезис А. Гоулднера о том, что социальные теории содержат два хорошо различимых класса элементов: «постулаты», выражающие когнитивный компонент теорий, и «неявные базовые предпосылки», раскрывающие докогнитивные их основания [2, с. 54-62]. Продолжая данную мысль, следует полагать, что подобная структура присуща и познавательным перспективам, которые выражены в соответствующих им социологических теориях. При этом постулаты (вербально выраженные репрезентации познавательных перспектив) представляют собой производные, построенные на докогнитивных основаниях, связанных с особенностями переживаний исследователями их отношений с действительностью. Такие переживания, маркированные в социальных науках различными терминами (проникающие ориентации [4, с. 20], сверхценные переживания [14, с. 18]), как детерминанты социального поведения, обуславливают приверженность исследователя той или иной познавательной перспективе.

Из сказанного следует, что приведенные выше основания для классификации познавательных перспектив позволяют классифицировать не перспективы как таковые, а их теоретические положения – когнитивный компонент перспектив. Данное обстоятельство приводит к тому, что в рамках таких классификаций познавательные перспективы в социологии оказываются лишенными своих базовых оснований, выведенными за пределы действительности. Таким образом, проблема состоит в необходимости

применения такого основания для классификации познавательных перспектив, которое позволило бы рассмотреть последние как неотъемлемую часть социальной реальности, вернув им базовую укоренность. Инструментом такого поиска может выступить постнеклассическая (универсальная) теория рациональности, в контексте которой познавательные перспективы предстают как одна из репрезентаций социальной рациональности. Классификация, построенная в рамках такого подхода, позволит дополнить существующие способы классификации перспектив в социологии и предложить вариант решения указанной проблемы. В данной статье мы не претендуем на полный обзор социологических теорий (это задача отдельного фундаментального исследования), но ставим своей задачей обсудить их количество, достаточное для объяснения нашей точки зрения.

Современное состояние предмета исследования. В современной социологии присутствуют различные классификации познавательных перспектив, среди которых встречаются как дихотомические, так и политомиические. Распространенной дихотомией является классификация, в рамках которой выделяют сциентистскую и гуманистическую перспективы. Сциентизм представляет собой «прямую» перспективу, основан на количественной методологии и рассматривает общество как объективную реальность; гуманистическая перспектива является «обратной», основанной на качественной методологии и антропоцентричной по принципу понимания социальной реальности. К первой относят социологический позитивизм, структурный функционализм, марксизм, ко второй – символический интеракционизм, феноменологическую социологию, этнометодологию. Основаниями в данной классификации выступают объект наблюдения и способ его интерпретации: в первом случае объектом служит надындивидуальная социальная реальность, изучаемая количественными методами, во втором – персональная реальность, изучаемая качественными методами. В рамках другой дихотомии обсуждаются, с одной стороны, перспектива, объясняющая многообразие культурных и социальных феноменов логикой действия внешних

регулирующих принципов, «внешнего причиняющего начала», с другой – перспектива, утверждающая автономию культурных содержаний, области смысла, признающая, что «сфера символических классификаций обладает причиняющей силой»: «железная клетка vs. культур-автономия» [11, с. 64]. Подробно разработана классификация познавательных перспектив по основанию лежащих в их основе базовых предположений. Данное основание приводит к жизни дихотомии «методологический» индивидуализм, антропоцентричный в своих базовых предположениях, – «методологический» холизм, утверждающий примат общества над индивидом, а также субъективизм – объективизм [6, с. 47].

Среди политомических классификаций обращают на себя внимание следующие. Р. Коллинз выделил четыре перспективы, названные им социологическими традициями [9, с. 12-14]: традиция конфликта, которую данный автор усматривает в социологиях К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Вебера, К. Маннгейма, Ч.Р. Миллса, Л. Козера, Р. Дарендорфа и др.; рациональная (утилитарная) традиция, к которой он относит теорию социального обмена, теории рационального выбора (действия); представленная на макро- и микроуровнях социологического анализа традиция Дюркгейма, отправными точками которой автор считает социологии О. Конта, Г. Спенсера, функционализм Т. Парсонса и Р. Мертона, структурализм К. Леви-Стросса, социальную антропологию, теорию культурного капитала П. Бурдьё, теорию ритуальных цепей взаимодействия Р. Коллинза и др.; микроинтеракционистская традиция, «которая движется от Чарльза Холторна Кули, У. А. Томаса и Джорджа Герберта Мида к Гарольду Гарфинкелю и этнометодологам». В качестве основания в данной классификации используется признак ключевой характеристики социальной реальности, выступающей своего рода оптикой, сквозь призму которой исследователи наблюдают данную реальность. В традиции конфликта это, соответственно, конфликт, в традиции Дюркгейма – солидарность, в утилитарной традиции – обмен, в микроинтеракционистской – идентичность [9, с. 10]. Дж. Ритцер

использует четыре критерия, на основании которых выделяет парадигмы социальных фактов, социального определения и социального поведения: теоретический образец, определение предметной области, методы, теории [16, с. 580]. А.А. Давыдов различает гуманитарную, естественно-научную и математическую парадигмы, специфика которых устанавливается по критериям применяемых объяснительных схем, способов верификации, эталонов научности и языков описания [5, с. 85]. С. А. Кравченко выделяет пять метапарадигм, различия между которыми обусловлены факторами плюралистичности социума и характером его саморазвития, детерминированного увеличением динамической сложности и уменьшенным временным масштабом существования [10, с. 9]. К ним относятся позитивистская метапарадигма, основанная на постулате линейного развития; интерпретативная метапарадигма, утверждающая множество возможностей развития и субъективно сконструированных миров; интегральная метапарадигма, объясняющая социокультурную динамику социума через призму неопределенных флуктуаций, непреднамеренных последствий, амбивалентности функциональности/нефункциональности; рефлексивная метапарадигма модерна, обсуждающая социум в терминах фрагментации, дисперсии, разрывов социальной реальности, в которой действуют рефлексивные акторы в ускользающем мире; нелинейная метапарадигма постмодерна, в рамках которой социум предстает как глоболокальное многообразие, пронизанное бифуркациями.

Из приведенного краткого обзора видно, что применяемые основания для классификаций познавательных перспектив позволяют классифицировать, главным образом, их теоретические положения. Последние характеризуются многими методологическими и методическими аспектами, что обуславливает существование целого ряда классификаций, в которых эти аспекты становятся основаниями разделения теорий. Данное обстоятельство приводит к появлению различных систем классификации теоретических положений, не всегда соотносимых друг с другом. Мы намерены рассмотреть познавательные

перспективы как репрезентацию социальной рациональности, что позволит подойти к задаче их классификации с точки зрения типов рациональности, раскрывающих различные уровни социальной реальности. Такой подход дает возможность подвергнуть классификации не только теоретические положения, а перспективы как таковые в единстве их когнитивных и докогнитивных компонентов.

Теоретический подход. Теоретическим инструментом в нашем исследовании выступила универсальная теория рациональности, разработанная в рамках постнеклассического (универсального) социологического подхода [19]. Основные положения данной теории, обоснование ее необходимости и теоретические результаты обсуждены нами ранее [18], поэтому здесь ограничимся указанием на главные ее тезисы, на которых мы будем основываться в данном исследовании.

С точки зрения общего определения, рациональность есть совокупность вербализованных рефлексивных содержаний социальной реальности, конституированных рефлексивными практиками индивидуальных и групповых социальных субъектов. В этом смысле рациональность предстает как когнитивная самообращенность социальной практики. Такая самообращенность формирует собственный слой социальной реальности, отражающий когнитивными средствами существование и развитие последней. Рациональность в данном понимании есть признак, отделяющий мир культуры от мира природы, человеческое общество от иных ассоциаций.

Структурно-динамические качества рациональности эксплицированы с позиций постнеклассического (универсального) социологического подхода. Диатропический принцип минимального универсума, выступающий ядром данного подхода, позволил выделить минимальное количество характеристик, необходимых для описания рациональности любой социальной системы. Кратко обозначим две ключевые характеристики, которые являются основополагающими в нашем исследовании. 1. Социальная рациональность представляет собой диалектическое единство рефлексивных и нерефлексивных

содержаний социальной реальности, образующих функциональную слитость. 2. Социальная рациональность образует три типа, выражающих иерархию уровней эволюционного развития социальных систем. Преконвенциональный тип рациональности выражает вещественно-энергетический уровень развития социума, на котором представлены социальные практики, конвенции, структуры, обслуживающие базовый органический уровень ценностно-потребностной системы социальных субъектов. Индивиды здесь стремятся к достижению личных выгод путем конкуренции (*Homo Economicus*). Конвенциональный тип рациональности выражает функционально-организационный уровень развития социума. Здесь представлены социальные практики, конвенции, обслуживающие класс социальных потребностей, обуславливающих приверженность социальных субъектов к групповым нормам и ценностям (*Homo Sociologicus*). Постконвенциональный тип рациональности выражает информационный уровень развития социума, на котором представлены социальные практики, проявляющие духовный уровень мотивационной системы социальных субъектов, связанные с их стремлением к творчеству и самоактуализации. Здесь индивид обладает относительно высокой степенью автономии от групповых конвенций и выступает источником собственных смыслов и ориентаций поведения. Соотношение данных типов рациональности выражает актуальную ситуацию существования и развития любой социальной системы.

Приведенные характеристики являются частью идеальнотипической модели социальной рациональности со всеми присущими таким моделям возможностями и ограничениями.

Основные результаты. 1. Познавательные перспективы в социологии представляют собой одну из репрезентаций социальной рациональности. Это означает, что познавательные перспективы должны быть рассмотрены как процесс и результат вербализованной рефлексии социальных акторов (в этой связи Э. Гидденс совершенно справедливо определяет социальные науки как формализованную версию рефлексии [1, с. 158]). Тем самым перспективы

предстают не просто как система теоретических положений, обсуждающих реальность под определенным углом зрения, а как факты осознания реальности сквозь призму собственных онтологических характеристик познающих субъектов. Такие характеристики связаны с исходными детерминантами активности субъектов и создают основу для формализации теорий. В истории социологии известны примеры, когда явно просматривалась связь между особенностями теорий и обстоятельствами жизни их авторов. Так, переход О. Конта от «объективной» к «субъективной» социологии сопровождался изменениями в его мироощущении и личной жизни; К. Маркс с его конфликтным характером и стремлением к борьбе (что отражают, в частности, его стихотворные произведения), одно из ключевых содержаний в своей социальной теории связывает с конфликтом и противоречиями; мировоззренческий кризис, неудачи в политической карьере и личной жизни оказали влияние на социологические взгляды В. Парето.

Как отмечает А. Гоулднер, «неявные базовые предпосылки» образуют базу, на которой строятся постулаты, представляют основание для их выбора, являются невидимым цементом, связующим постулаты друг с другом и неосознанно включаются в постулаты теории [2, с. 55]. Сходство докогнитивных характеристик выступает основанием приверженности исследователей общей системе теоретических положений. Так, «в определенной мере теории принимают или отвергают из-за содержащихся в них неявных базовых предпосылок. В частности, более вероятно, что определенная социальная теория будет принята теми, кто разделяет неявные базовые предпосылки теории и согласен с ними» [2, с. 55].

Таким образом, под познавательными перспективами в социологии следует понимать модели социологического объяснения, основанные на близости мироощущений приверженных им исследователей, сходным образом переживающих действительность, имеющих сходное отношение к миру и (или) его частям. Напротив, диссонанс мироощущений приводит к возникновению разных объяснительных моделей, которые используют собственные

интерпретативные схемы. Данная мысль не нова: еще Платон в диалоге «Государство», указал на докогнитивные основания солидарности. Объединяющим государство фактором он называет «общность удовольствия или скорби, когда чуть ли не все граждане одинаково радуются либо печалются, если что-нибудь возникает или гибнет». Напротив, «обособленность в таких переживаниях нарушает связь между гражданами, когда одних крайне удручает, а других приводит в восторг состояние государства и его населения».

2. С точки зрения нашего подхода, познавательные перспективы, как репрезентация социальной рациональности, выражают прекогнитивный, конвенциональный и постконвенциональный типы рациональности, раскрывающие соответствующие им уровни эволюционного развития социума. В рамках этих типов познавательные перспективы имеют отличительные признаки, проявленные как в докогнитивных их предпосылках, так и в теоретических положениях. Выявление и формализация данных признаков в их соотносительности с указанными типами рациональности позволит построить классификацию познавательных перспектив в единстве составляющих их компонентов. Поскольку неявные базовые предпосылки возможно исследовать только через их вербальное выражение, предпримем попытку реконструкции докогнитивных предпосылок, лежащих в основе современных социологических теорий.

Здесь выскажем *гипотезу*, что, если социум есть иерархическое соотношение вещественно-энергетического, функционально-организационного и информационного уровней развития (согласно универсальной социологической теории), то познавательные перспективы как форма социальной рациональности репрезентируют данные уровни. Далее рассмотрим ряд теоретических образцов сквозь призму применяемого нами подхода.

Когнитивная самообращенность социума на вещественно-энергетическом уровне раскрывается в прекогнитивном типе рациональности. В социальных науках как формализованной версии рефлексии данный тип выражен в теориях, интерпретирующих социальную реальность как

совокупность интеракций, которые детерминированы «собственными» мотивациями социальных акторов. Такие мотивации связаны с индивидуальными (в отличие от групповых) ориентациями социальных субъектов. При этом субъект здесь не свободен в выборе ориентаций: они заданы необходимостью удовлетворения базовых дефицитов организма, обуславливающих его стремление к приобретению *индивидуальных ресурсов* как на биологическом, так и на социальном уровнях. Докогнитивными основаниями теорий здесь служат переживания действительности как пространства конкуренции атомизированных акторов, преследующих индивидуальные цели. Общая модель объяснения, которая применяется в таких теориях для интерпретации социального поведения, а также более широких социальных процессов, может быть выражена в формуле «индивидуальная цель-действие». Примерами теоретических образцов, которые в обобщенном виде следует отнести к репрезентациям преконвенционального типа социальной рациональности, могут служить теории социального конфликта, социального обмена, рационального выбора, функционализм Б. Малиновского.

Теории социального конфликта выражают «видение социального порядка, которое предполагает наличие групп и индивидуумов, пытающихся продвинуть свои собственные интересы за счет других; в процессе борьбы за преимущества могут происходить открытые столкновения» [9, с. 61]. В различных теориях социального конфликта обсуждается несовместимость целей социальных акторов, связанных с их физическим выживанием, материальными, экономическими, властными и другими интересами. Действия в направлении достижения таких целей неизбежно приводят акторов к столкновению. В теории социального обмена Дж. Хоманса рассматривается поведение отдельных индивидов, движимых стремлением к удовлетворению собственных потребностей путем получения вознаграждений в процессе обмена деятельностью с другими. При этом на уровне группового взаимодействия такие индивиды также проявляют эгоизм: они следуют групповым нормам постольку, поскольку осознают, что такое следование

принесет им чистую выгоду [16, с. 327]. Сходный взгляд на социальную реальность присутствует в теории социального конфликта П. Блау, который использует его для рассмотрения социальных интеракций на микро- и на макроуровне. На уровне макросоциальных структур имеет место не прямой обмен, связанный с обменом вознаграждениями между индивидом и коллективом, а также между коллективами. Подобный методологический индивидуализм прослеживается и в рамках теорий рационального выбора. Социальные акторы действуют в направлении максимизации собственной выгоды, принимают решения о поведении путем соотнесения индивидуальных целей, средств и условий деятельности. Примером обсуждения более широких социальных процессов с точки зрения обсуждаемой перспективы может служить функционализм Б. Малиновского. Определяющие факторы культуры усматриваются им в сфере биологических побуждений человеческого организма. Культура понимается как совокупность культурных ответов на базовые физиологические потребности социальных субъектов [12, с. 81].

Когнитивная самообращенность социума на функционально-организационном уровне раскрывается в конвенциональном типе рациональности. Данный тип выражен в социологических теориях, интерпретирующих социальную реальность как обладающее определенной автономией коллективное единство, которое обусловлено деятельностью социальных субъектов, мотивированных групповыми ценностями. Такая интерпретация ставит во главу угла социально-групповую идентификацию акторов, что является когнитивным ответом на актуальность их социальных потребностей, связанных с групповыми (в отличие от индивидуальных) ориентациями. Докогнитивными основаниями теорий здесь служат переживания социальной действительности как кооперации взаимодействующих акторов, приверженных коллективным целям. Общая модель объяснения, которая применяется в таких теориях для интерпретации социального поведения, а также более широких социальных процессов, может быть выражена в формуле «социальная норма-следование». Примерами

теоретических образцов выступают социологизм Э. Дюркгейма, структурный функционализм Т. Парсонса, теория социальных систем Н. Лумана.

Так, Дюркгейм делает акцент на социальной солидарности как ключевой характеристике общественного состояния. Общество как самостоятельно существующая реальность оказывает принудительное воздействие на индивидов, обуславливая нормативную заданность их социального поведения. В структурном функционализме с его базовой идеей социального порядка делается акцент на системности, равновесии как ключевых характеристиках общества. Социальная система как комплекс нормативных правил, ценностей и верований, состоит из подсистем, обеспечивающих удовлетворение четырех базовых потребностей социальных акторов – целедостижение, интеграцию, адаптацию, поддержание образцов. В теории социальных систем Н. Лумана общество как автопозийная система производит свои собственные базовые элементы, создает собственные границы и структуры, оно самореферентно и замкнуто. Общество существует как коммуникация и отдельные индивиды относятся к нему в той мере, в какой они являются участниками коммуникации. В иных аспектах (биологических и психических) индивид выводится за пределы общества, рассматривается как часть его внешней среды.

Когнитивная самообращенность социума на информационном уровне раскрывается в постконвенциональном типе рациональности. Данный тип выражен в социологических теориях, раскрывающих социальную реальность как сферу деятельности и взаимодействия относительно автономных акторов, реализующих в данной деятельности субъективно значимые смыслы. В отличие от теорий, выражающих преконвенциональную рациональность социума, здесь социальные субъекты приобретают относительную свободу от биологической и социальной детерминаций и становятся источником собственных ориентаций. Их социальное поведение предстает как процесс осуществления таких ориентаций (самоосуществление относительно автономного субъекта). Докогнитивными основаниями теорий здесь служат переживания социальной действительности как intersубъективной по своей природе, как пространства,

в котором действуют самоактуализирующиеся социальные субъекты. Общая модель объяснения, которая применяется в таких теориях для интерпретации социального поведения, а также более широких социальных процессов, может быть выражена в формуле «субъективный смысл-выражение» (характерно, что подобную формулу применяет Т. Парсонс для обозначения идеалистической теории действия, в рамках которой действие предстает как процесс эманации субъективного смысла [15, с. 145-146]). Примеры теоретических образцов: субъективная (этико-социологическая) школа в русской социологии, феноменологический социологический подход, экзистенциальная социология.

Так, в социологии П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского движущей силой развития общества выступают отдельные личности, с их субъективными интерпретациями действительности. Согласно «антропологической» точке зрения П. Л. Лаврова, на высшей ступени развития личность вырабатывает в себе идеал человеческого достоинства и воплощает его в жизнь, что выражает мотивы общественной деятельности личности. Также Н. К. Михайловский, указывая на необходимость учета субъективного фактора в изучении социальных процессов, ставит в центр своего теоретизирования личность с присущими ей чувствами, мыслями, желаниями. В феноменологическом подходе современное общество обсуждается как множество жизненных миров, основанных на субъективном восприятии социального контекста. Предметом изучения феноменологи делают жизненный опыт сознаний социальных акторов, конструирующий социальную реальность. В изучении социальных процессов устанавливается акцент на принципах организации субъективного опыта социального мира. В рамках экзистенциальной социологии концепция экзистенциального Я обращена к уникальному опыту человека, находящегося в контексте современных ему социальных условий - опыту, наиболее явственно отражающемуся в непрерывном ощущении становления и активного участия в социальном изменении [20, р. 7]. Экзистенциальная социология обращается к духовному уровню социального – исследованию вербализации смысла бытия и аутентичности субъекта: «первый вопрос, с которым мы всегда сталкиваемся,

обращаясь к проблеме экзистенции, - это вопрос «смысла» - «для чего мы существуем?» [13, с. 92]. Предметное поле экзистенциальной социологии выражено в таких категориях как смысл существования, аутентичность, смерть, абсурд, свобода, ответственность, выбор и т.п.

Подведем итог. В социологических теориях, как репрезентации социальной рациональности, выделяются три основные познавательные перспективы, выражающие когнитивную самообращенность социума и соответствующие преконвенциональному, конвенциональному и постконвенциональному типам рациональности. Приведенные выше характеристики позволяют классифицировать перспективы по основанию типа рациональности на индивидуалистическую, холистскую и субъективистскую соответственно. Подчеркнем, что индивидуализм здесь следует понимать как перспективу, раскрывающую не совокупность самоосуществления свободных субъектов, конструирующих реальность, а как совокупность взаимодействий индивидов, детерминированных базовыми дефицитами организма и действующих в направлении достижения личных выгод. Если рассмотреть предложенную классификацию сквозь призму оппозиции «объективизм-субъективизм», то индивидуалистическая и холистская перспективы выражают существенные черты объективизма, когда детерминанты социального поведения оказываются за пределами воли социальных акторов и действуют как принуждающие начала. В первой из названных перспектив источником принуждения выступают собственные дефициты индивидов, во многом связанные с биологическими основаниями поведения, во второй – совокупность социокультурных предуказаний. Субъективистская перспектива имеет признаки конструктивизма и помещает источник социального поведения в персональную реальность социального субъекта.

Основные характеристики указанных перспектив обобщены в таблице (табл. 1).

Таблица 1. Познавательные перспективы в социологии с точки зрения постнеклассической (универсальной) теории рациональности

Тип рациональности	Познавательная перспектива	Объяснительная модель	Теоретические образцы
постконвенциональный	субъективистская	«субъективный смысл-выражение»; источник социального поведения – в персональной реальности самоактуализирующихся индивидов; взаимодействие относительно автономных социальных субъектов	субъективная школа в русской социологии; феноменологическая социология; экзистенциальная социология
конвенциональный	холистская	«социальная норма-следование»; источник социального поведения – в групповой солидарности взаимодействующих акторов; кооперативное взаимодействие	социологизм Э. Дюркгейма; структурный функционализм Т. Парсонса; теория социальных систем Н. Лумана
преконвенциональный	индивидуалистская	«индивидуальная цель-действие»; источник социального поведения – в личной мотивации атомизированных индивидов; конкурентное взаимодействие	теории рационального выбора; функционализм Б. Малиновского; теории социального конфликта; теория социального обмена

В предложенной классификации дихотомия «методологический индивидуализм - методологический холизм» получает уточнение и становится трихотомией за счет ее дополнения субъективистской перспективой (подчеркнем идеальнотипический характер приведенных категорий). Помимо теорий, построенных в рамках той или иной из приведенных перспектив, существуют теории, в которых применены несколько перспектив одновременно. Это, как правило, синтетические теории, стремящиеся охватить в своем анализе весь спектр проявлений предмета исследования. Один из образцов таких теорий – постнеклассический (универсумный) подход, методологические принципы которого сделали возможной предлагаемую в статье точку зрения.

Наша точка зрения, несомненно, весьма упрощена, требует углубления и уточнения. Вместе с тем, она позволяет, с одной стороны, углубить рефлексию современных исследователей относительно их приверженности к той или иной парадигме, с другой – указать на необходимость применения каждой из выделенных перспектив к анализу соответствующего ей класса явлений. Так, индивидуалистическая перспектива может служить адекватным теоретическим инструментом для изучения вещественно-энергетического уровня социальных систем и вряд ли подходит для изучения явлений функционально-организационного и информационного уровней. Применение данной перспективы за пределами своей предметной области приводит к жизни теоретические затруднения. Примером таковых может служить так называемый «парадокс кооперации», который, при рассмотрении с позиций других перспектив, не обнаруживает признаки парадокса.

Литература

1. Гидденс Э. Последствия современности. Пер. с англ. Г.К Ольховика; Д.А. Кибальчича; вступ. статья Т.А. Дмитриева. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 343 с.

2. Гоулднер, А. У. Наступающий кризис западной социологии: пер. с англ. СПб.: Наука, 2003. 575 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь // Мышление и речь: сборник. М.: АСТ: Астрель, 2011. 638 с.
4. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 272 с.
5. Давыдов А.А. Социология как метапарадигмальная наука // Социологические исследования. 1992. – № 9. – С. 85–87.
6. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: «Аванти плюс», 2003. 336 с.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. 575 с.
8. Зинченко Е.В. «Коммуникативная рациональность» как априори социальных наук (методологический обзор проектов) // Теоретический журнал «Credo new». 2003. №3. URL: <http://credonew.ru/content/view/350/28/> (дата обращения: 10.03.2015).
9. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. Перевод Вадима Россмана. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. 320 с.
10. Кравченко С.А. Социологическая теория: дискурс будущего // Социологические исследования. – 2007. – № 3. – С. 3–13.
11. Куракин Д.Ю. Символические классификации и «Железная клетка»: две перспективы теоретической социологии // Социологическое обозрение. – 2005. – т. 4. – № 1. – С. 63–81.
12. Малиновский Б. Научная теория культуры. Пер. с англ. И.В. Утехина; сост. и вступ. ст. А.К. Байбурина. 2-е изд., испр. М.: ОГИ, 2005. 184 с.
13. Мельников А. Проблемное поле экзистенциальной социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2008. – №2. – С. 83–102.
14. Немировский В.Г. Базовые ценности в массовом сознании: ценностные переживания, смысл жизни и отношение к смерти, грех как социальный феномен: Курс лекций. Красноярск, 2002. 60 с.

15. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.
16. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
17. Труфанов Д.О. Универсумная социологическая теория рациональности // Теория и практика общественного развития. – 2012а. – №4. – С. 87–91.
18. Труфанов Д.О. Рациональность как социологическая проблема. Постнеклассический (универсумный) подход // Социологические исследования. – 2013. – №4. – С. 60–69.
19. Nemirovskiy V.G. The Theoretical-methodological Foundations of Post-non-Classical Approaches in the Contemporary Russian Sociology / Humanities & Social Sciences: Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – № 1. – Красноярск: СФУ, 2008. – С. 77–90.
20. Postmodern Existential Sociology / Ed. by J.Kotarba, J.Johnson. Walnut Creek (CA), 2002. P. 3–15.